

«Пришли на площадь странники...»

Некрасов меньше всего мыслил свою эпопею как схематично выписанную цепочку встреч странников с названными в «Прологе» счастливицами. Он хотел создать многокрасочное полотно реальной жизни, и прежде всего жизни народной. Крестьянская масса, ее социальные и психологические особенности — вот что, как мы помним, более всего интересовало поэта. В трех смежных главах, которые принято условно называть народными («Сельская ярмонка», «Пьяная ночь», «Счастливые»), он и обращается к изображению народной среды, исследованию особенностей народного сознания. Главы эти очень важны для понимания замысла произведения, ибо их содержанием обосновывается право народа на суд беспощадный над захребетниками всех мастей.

С проезжей дороги, где завязался спор мужиков, автор ведет нас (читателя) в самую гущу народной жизни, в толпу, на сельскую ярмарку.

Картина сельской ярмарки, по мнению Некрасова, могла много дать для художественной обрисовки самых разнообразных народных типов и характеров, для выявления «подноготной» русского мужика. Конечно, далекий от народа человек, побродив по ярмарке час-другой, мало что поймет в жизни и судьбе народной. Но в эпопее Некрасова на ярмарку приходит не посторонний наблюдатель, а сами мужики-правдоискатели, перед которыми к тому же с помощью автора и скатерти-самобранки собравшиеся на ярмарке люди открываются, рассказывают о своей жизни и судьбе.

В русской поэзии, да, пожалуй, и во всей русской литературе нет описания ярмарки, равного некрасовскому по динамике, живописности и выразительности. Опираясь на непосредственные впечатления от посещения ярмарок в Мстёре, Холуе, Нижнем Новгороде, зорко подметив их особенности, Некрасов бережно перенес важнейшие из них в поэму: тут и бойкая

торговля лубочной литературой, центром распространения которой был Нижний Новгород; «ивановские ситцы», «изделия кимряков» — примета широкого разворота ярмарочной торговли; нужные мужику и представленные на любой сельской ярмарке «косули, грабли, бороны ... Ободья, топоры». Тут и неизменная «комедия с Петрушкою». В результате — яркая и при всей конкретности — обобщенная картина ярмарки.

В литературе не раз отмечалось мастерство Некрасова в изображении массы, толпы. «Поэт вводит здесь новые способы расположения сцен и эпизодов, группировки быстро сменяющих друг друга лиц, чередования описаний, пейзажных зарисовок, рассказов, отдельных реплик»,¹ в результате чего создается ощущение присутствия на сцене многоликого и многоголосого хора.

С чисто кустодиевской сочностью рисует Некрасов картину сельской ярмарки с ее многолюдством («видимо-невидимо / Народу»), яркостью нарядов праздничной толпы

(Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут),

с ее задорным и веселым шумом:

Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!

Но рассказчик (вместе со странниками) не только любуется картиной народного праздника. Он зорко присматривается, прислушивается, стремясь понять, постигнуть сущность жизни и души народной.

Это не просто. «Все крестьянство в спорах, движении, волнении». Мелькают, сменяясь, пестрые (веселые и безобразные) сцены, в общем гуле слышатся обрывки разговоров. О чем? Каждый в этой многолюдной толпе говорит о своем, у каждого свой, отличный от других, внутренний мир, свои интересы и заботы.² Но, наблюдая и сопоставляя, автор все-таки приходит и приводит читателя к каким-то выводам.

¹ Груздев А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М.; Л., 1966. С. 31.

² Наблюдение и взятые в кавычки слова принадлежат Л. А. Розановой (Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. Л., 1970. С. 106—107).

Как свидетельство «удали молодецкой», душевного здоровья, не сломленного каторжным трудом, воспринимает поэт и задорную пестроту нарядов, и «здоровый громкий хохот», который слышится тут и там. А ярмарочное богатство? Косули, грабли, бороны, багры, станки тележные, ободья, топоры, шлеи, ситцы, обувь — ведь все это сделано руками ныне веселящейся толпы, руками народа-труженика.

Отзывчивость народного сердца хорошо видна в эпизоде с Вавилушкой. Купил ему Веретенников козловые ботиночки для внучки, и крестьяне, стоящие рядом, так рады, словно каждого из них Веретенников «подарил рублем».

Мужик любознателен (комедия с Петрушкой), он тянется к знанию, к книге. Поэт не может спокойно наблюдать, как в протянутую за хлебом знания руку кладут камень, как народ «потчуют» книжной макулатурой вроде «Английского милорда», и его голос впервые непосредственно врывается в повествование. В лирическом отступлении «Эх! эх! придет ли времечко...» поэт высказывает свою мечту о народном просвещении, о времени, когда большая культура войдет в жизнь народа. Но это будущее. А настоящее?

С особым удовлетворением отмечает автор остроту народного ума и меткость народной речи: прибаутки, шутки, а порой столь меткие словечки, каких кабинетному сочинителю не придумать, — «хоть проглоти перо». Для Некрасова при этом речь идет не только о бойкости и сатирическом складе народного русского ума, а о значительно более важном: о пробуждении сознательной мысли, стремлении и способности осмыслить свое положение. Развязались у подвыпивших мужиков языки, «смолкает, подымается / Народная молва», и в многоголосом хоре «пьяной ночи» чуткое ухо поэта улавливает политически острые реплики, свидетельствующие о том, что всколыхнулась мужицкая Русь, напряженно работает пробудившаяся мысль. Кто-то еще надеется добиться справедливости в «верхах»:

Прошение изготовили
К начальнику губернии....

но все отчетливее звучат голоса с явно скептической оценкой проведенной «верхами» реформы:

Добра ты царска грамота,
Да не при нас ты писана...

... И веник дрянй, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

Но видит поэт и другое и не скрывает печальной правды. Уже в начале описания ярмарочной площади он обращает внимание читателя на роковые приметы: дом с надписью «училище» заколочен, зато куда ни погляди — винные склады, погреба, «харчевни, рестораны», 2 кабака, да еще 11 кабатчиков раскинули палатки. Как тут не быть пьяному разгулу?

Пропиты «крестьянские шлыки», и по всей ярмарке, «словно пред иконами, / Без шапок мужики». Пьяный мужик вывалил воз с «поделкой деревянною», дед Вавилушка, насулив родным подарков, «пропился до грошика». Вот уже и «ночь тихая спускается», и все более мрачными становятся краски, рисующие картину пьяного разгула. В воздухе висит «шальная непотребная» ругань, «плачут дети малые, / Тоскуют жены, матери». В хмельном угаре мужики тянут друг друга за бороды, парень хоронит поддевку, принимая ее за матушку, где-то в драке уже убили крестьянина...

Картина пьяного разгула достигает поистине эпического размаха:

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колыхется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валается,
Дерется и целуется
У праздника народ!

Вот она, «трезвая правда»! Но зачем, с какой целью обнажает ее поэт?

Странники отправились на ярмарку с надеждой узнать:

Не там ли он скрывается?
Кто счастливо живет?

Нарисованная картина сама наталкивает читателя на вопрос: уже не в пьянстве ли корень зла, уж не оно ли лежит препятствием на пути к народному благополучию? Вопрос этот широко дебатировался в печати конца 50-х—начала 60-х годов, и мнение либералов гласило: да, оно.

И вот Некрасов, нарисовав пьяную толпу в предельном ее безобразии, сгустив все обвинения, которые можно было предъявить «разгульному» русскому мужику, устами Павлуши

Веретенникова³ формулирует столь ходкое у либералов обвинение:

Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения...

Павлуша Веретенников — юноша (но для мужиков — «барин»), увлеченный собиранием перлов народного творчества. Он беседует с крестьянами, они вроде бы «открываются / Миляге по душе», и ему в наивности кажется, что он понял в крестьянской жизни все. И с легкостью человека, схватившего лишь видимость, не проникнувшего, однако, в суть явления, он повторяет ходкое в либерально-дворянской среде обвинение. Ответом на эти слова и является монолог Яким Нагого, в котором раскрывается «подноготная» русского мужика, осознанная им самим. В то же время этот монолог говорит о понимании основ народной жизни и характера самим Некрасовым, поэтом революционной демократии.

«Пьяненький мужик», валявшийся в канаве, вскочив, гневно выхватывает из рук барина карандаш:

Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!

---

³ Как всегда, в процессе создания художественного образа Некрасов стремился идти от реальных фактов, реальных прототипов. Долгое время считалось (см. комментарии К. И. Чуковского в т. III, с. 652—654), что одним из прототипов Веретенникова был известный фольклорист добролюбовского направления Павел Иванович Якушкин, с которым Некрасова связывали дружеские отношения. Красная рубаха, суконная поддевка, смазные сапоги, имя Павел (а в черновых вариантах поэмы — корявое от оспы лицо) — все эти детали как бы ведут нас к его личности.

На каком-то этапе работы Некрасов хотел дать герою фамилию другого известного фольклориста — демократа П. Н. Рыбникова.

В процессе работы детали, указывающие на эти реальные прототипы, поэт устранил именно ввиду внутренней несхожести с ними героя.

Но откуда взялась фамилия Веретенников? Это выяснил Ю. В. Лебедев. Павел Федорович Веретенников, представитель московского купечества, «человек довольно умеренных общественных взглядов и очень расплывчатых демократических симпатий», плодовитый и популярный публицист газеты «Московские ведомости», давал ежегодные описания нижегородской ярмарки. «И обличительные речи Яким Нагого адресованы именно таким, как Павел Веретенников». Но в поэме не Павел, а Павлуша, «юный энтузиаст, еще наивный и легковерный, но уже способный прислушиваться к народным голосам и принимать с благодарностью самые суровые и обидные народные уроки» (Лебедев Ю. В. Об источниках образа Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасовский сборник, VII. Л., 1980. С. 131—134.

•Пиши: „В деревне Босове
Яким Нагой живет...“•

И от лица «мужицкого царства» дает отповедь всем тем, кто корит крестьянина за пьяный разгул.

Образом Якима Нагого и всем содержанием его речи⁴ Некрасов дает понять, что этические и эстетические критерии господствующих классов, «белоручек нежных», неприменимы к народной жизни.

На мерочку господскую
Крестьянина не мерь, —

говорит Яким Веретенникову и поясняет:

... Люди мы великие
В работе и в гульбе!..

Якима радуют сила, размах, «удаль молодецкая» даже и в «гульбе» народной:

Пьем — значит силу чувствуем!..

Но не по хмельному разгулу нужно судить о мужике. Главное содержание его жизни составляет труд, ежедневный трудовой подвиг. Здесь-то и проявляется истинное его богатство:

На поже гору добрую
Поставил, съел с горошину...

Не крестьянским ли трудом «с весны оденутся, / А осенью разденутся» хлебные поля во всей матушке-Руси? Яким с ярким драматизмом рисует картину каторжного крестьянского труда, от которого «трещит крестьянский пуп». Холод, голод и непосильный труд больше надрывают силы мужицкие, чем вино.

Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит? —

иронически и с гневом спрашивает Яким и продолжает:

Нет меры хмелю русскому,
А горе наше мерили?
Работе мера есть?

Гимном народному труду как основе всех основ зазвучала поэма Некрасова. Не забудем, что именно в эти годы он создал

---

⁴ Сопоставляя речь Якима Нагого с очерками «В захолустье и столице» публициста «Отечественных записок» Скалдина, М. Гин (*Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 68—71*) приходит к выводу, что нарисованная Некрасовым картина почти документально точна и достоверна.

свою «Железную дорогу» (1864), поэму о творческом народном труде, в которой повелительно требовал:

Благослови же работу народную
И научись мужика уважать (II, 204).

С этой высокой оценкой народного труда будет в «Кому на Руси...» связано беспощадное разоблачение тунеядства, паразитизма господствующих классов. Именно поэтому речь Якима Нагого — идейная кульминация I части поэмы.

Перед величием трудового подвига крестьянина меркнет порожденная горькой долей страсть к хмельному, которая является со стороны мужика лишь «его малосознательной реакцией на многие беды, обступившие его со всех сторон».⁵ В вине крестьянин ищет и находит забвение горестей, оно смягчает накипевшие в душе боль и гнев. Яким видит это:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная, —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь отудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается...

Не лишенный патриархального простодушия, Яким радуется этому, но автор заставляет читателя задуматься о роковой роли «царева кабака» в жизни и судьбе народной.

Некрасов не делает из Якима революционера, призывающего к борьбе. Но Яким занимает центрального место в системе образов «народных глав» именно потому, что с ним, «ретивым крикуном», ораторствующим с валика, связана центральная идея поэмы — идея пробуждения народного сознания в пореформенную эпоху.

Не от вина бедность народная. Устами Якима Некрасов формулирует истинную, уже осознанную народом причину его бедствий:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Интересно вспомнить процесс формирования образа Якима Нагого. Первоначально Некрасов хотел в качестве защит-

---

⁵ Краснов Г. В. Изображение народа в поэме «Кому на Руси жить хорошо» («Пролог», ч. 1) // О Некрасове. Ярославль, 1958. С. 114.

ника крестьянских интересов изобразить фабричного рабочего. В одном из набросков читаем:

Фабричный кудри русые
Встряхнул, окинул с валика
Очами соколиными
Шумящую толпу
И крикнул зычным голосом:
«Ой, царство ты мужицкое!
Гуляй, коли гуляется,
Шуми, шуми — вольней!» (III, 656)

Далее шел текст, известный нам по монологу Якима. Нет слов, и образ красавца фабричного, и ситуация — рабочий на защите интересов трудового крестьянства — очень привлекательны. И образ фабричного не выдуман, а списан поэтом с природы. Вот что пишет об этом А. Ф. Тарасов в статье «О местных источниках поэмы»: «Первоначально, как известно, вместо Якима Нагого был „фабричный из Бурмакина“. Бурмакино, волостное село Ярославского уезда, находилось в 30 верстах от Ярославля. Термин „фабричный“ в сочетании в Бурмакиным тоже имел под собой реальную почву: издавна в Бурмакинской волости был широко развит кузнечный промысел».⁶

Фабричный парень из Бурмакина на сельской ярмарке — фигура вполне возможная, но она оказалась ненужной Некрасову, так как не помогала выявлению авторской мысли: Некрасов видел и хотел показать пробуждение, рост сознания САМОГО крестьянства. Поэтому «фабричный из Бурмакина» скоро превращается в «крестьянина из Бурмакина», а затем в «мужика из Новоселова». «Затем на полях рукописи появляется: „Пиши в деревне Пьянове“... Затем в основном тексте эта формула развертывается:

Пиши: в деревне Пьянове
Яким Петров живет.
Он до смерти работает.
До полусмерти пьет.

Если название Бурмакино и Новоселово не несли в себе социальной характеристики, то деревня Пьяново в сочетании со словами „до полусмерти пьет“ такой смысл уже имеет, однако смысл этот поэта не устраивает: не в пьянстве причина бедственного положения народа.

---

⁶ Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. С. 36.

В окончательном тексте поэмы название деревни заменяется на Босово, а фамилия Якиму дается — Нагой. Теперь и пьянство получило свое объяснение: потому и пьет Яким, что, хотя он работает „до смерти“, но по-прежнему — Нагой, и вся деревня его — Босово».⁷

Яким — крестьянин, землепашец (Лет тридцать жарится / На полосе под солнышком, / Под бороной спасается / От частого дождя), и одним из средств социальной характеристики героя является его портрет:

Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож: он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

И еще:

А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох.

Описание внешности человека строится на ряде параллельно развертывающихся сравнений: морщины-трещины на высохшей земле, шея — пласт, сохой отрезанный, волосы — песок, рука — кора древесная, человек — ком земли, присохший к сохе. Необычайно выразительное сравнение выявляет не только нерасторжимую связь Якима с землей, но и другое: как эта бурая, иссохшая земля-матушка родит золотое зерно, кормит, так и Якимы — основа основ — кормят всю «Русь крещеную».

Интересно, что, создавая портрет Якима, Некрасов шел от народного творчества. В былине «О хобробром Егории» есть образ:

У них волосы — трава,
Телеса — кора древесная.

Как всегда, под пером Некрасова народно-поэтический образ становится художественно полноценнее и точнее:

---

⁷ Там же. С. 37.

Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Не тело (тем более не «телеса»: что-то рыхлое, дебелие), скрытое под одеждой от солнца и ветра, а именно руки, заскорузлые, с набухшими от труда венами, похожи на древесную кору; волосы же подобны песку бесцветностью, тусклостью.

Почему же именно Яким выступает в поэме выразителем пробуждающегося народного сознания? Это мотивировано своеобразием биографии героя и его характера. Десятки лет (тридцать только после возвращения в деревню!) собственного изнурительного, но не обеспечивающего сытости, труда; десятки лет наблюдений над жизнью деревни Босово; занятия отхожим промыслом в Петербурге («Живал когда-то в Питере»), результатом чего явилось расширение поля наблюдений и умственного кругозора; заключение в тюрьме за попытку тягаться с купцом — сумма этого горького жизненного опыта дала себя знать в суждениях Якима. Сказалась здесь и строптивость, неумность характера героя («С купцом тягаться вздумалось!»), жажда справедливости, проявившаяся в самом факте тяжбы, и своеобразная «духовность» героя, которая так отчетливо видна в пристрастии его к «картинкам».

Эпизод с Якимом заканчивается многозначительно: вслед за словами оратора, полными веры в неисчерпаемость народных сил, слышится «удалая, согласная», широкая и вольная песня «про Волгу-матушку, / Про удаль молодецкую», — реальное доказательство правоты Якима.⁸

К концу «пьяной ночи» странники, которым взгрустнулось по женушкам и «крепко захотелось / Скорей попасть домой», решают поискать «счастливого» в праздничной толпе. Такова внешне-сюжетная мотивировка главы «Счастливые». Автор не скрывает условности этой мотивировки: мужики знают народную жизнь («Какое счастье тут?»), а в толпе никто не относится к речи странников всерьез: «счастливыцы» привлечены лишь возможностью «хлебнуть вина бесплатного». Но новый сюжетный поворот дает автору возмож-

---

⁸ Наблюдение А. И. Груздева (*Груздев А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»*. С. 51).

ность продолжить исследование народной среды, показать неисчерпаемое многообразие типов народного характера, различные варианты народных судеб, разные уровни сознания.

Некрасов широко использует в поэме принцип многоголосья, он предоставляет своим героям возможность заявить о себе, высказать свой взгляд, свою точку зрения на вопрос. Эти различные мнения, точки зрения, позиции и придают, переплетаясь и взаимодействуя, характер объективности нарисованным Некрасовым картинам.

В двух предшествующих главах народные суждения были представлены (если не считать речь Якима) лишь отдельными, выхваченными из жизненно-биографического контекста фразами и репликами. В главе «Счастливые» перед читателем проходят более крупным планом нарисованные «счастливицы», представляющие народную среду героини, которых автор с помощью вопроса странников ставит перед необходимостью рассказать о себе, своей жизни.

Поразительно мастерство Некрасова в создании лаконичного, острохарактерного портрета. Штрихи внешнего облика, жест, своеобразие речевых характеристик, общая эмоциональная (трагическая, юмористическая, сатирическая) окраска образа, реакция мужиков на рассказ «счастливицы» — все подчинено задаче создания лаконичных и четких социально-психологических характеристик рядовых представителей народной массы.

Два первых претендента на звание счастливого нарисованы в юмористическом плане: «Тошой, как спичка серная», уволенный дьячок, пьяница и демагог, вкрадчиво, с профессиональным витийством («вертоград Христов!») «распустивший лясы», и «рябая, одноглазая» старуха, простодушное вранье которой («Родилось реп до тысячи...») свидетельствует о крайней убогости ее жизни и фантазии.

Трагическая фигура «солдата с медалями», вымуштрованного долгой службой («во-первых», «во-вторых», «в-третьих»), побывавшего в 20 сражениях, «нещадно битого палками» и с явной иронией (рассчитанной на понимание) рассказывающего о себе, вызывает сочувствие странников.

— На! выпивай, служивенький,
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!

Рассказ богатыря-каменотеса, который «хвастает» своей силой и в молодой самонадеянности еще не способен предвидеть свою трагическую судьбу, встречен иронической репликой мужиков. Обоснованность этой иронии доказывается рассказом надорвавшегося на непосильной работе Трофима, кстати вовсе и не претендующего на звание счастливого.

Репликой лакея князя Переметьева:

—Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем?..

повествование переводится в сатирический план. В своих произведениях Некрасов не раз показывал развращающее воздействие крепостничества, барской среды на личность, моральный облик крепостных, особенно барской дворни. Мужик-землепашец и лакей-холоп в его творчестве, как правило, отделены. Поэт не раз писал о «невозмутимой лакейской наглости», о «мине высокомерия и надменности» дворовых по отношению к «деревенщине», мужику (VI, 432). Развязный, наглый и в то же время жалкий в своем холуйском чванстве лакей-подагрик, и впрямь считающий себя счастливым, вызывает презрительное отношение мужиков:

...Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!

Рассказ «желтоволосого, сгорбленного крестьянина-белоруса» (как не узнать брата «изможденного лихорадкой» белоруса из поэмы «Железная дорога»?) своим трагическим содержанием примыкает к рассказам солдата с медалями и Трофима. Последние два эпизода («выступления» мужика-медвежатника и нищих) окрашены теплым юмором.

Таким образом, в расположении эпизодов ощущается определенная продуманность и симметрия. Их эмоциональная окраска, тональность все время меняются от первого рассказа к последнему:

- окрашенная юмором (дьячок, старуха),
- трагическая (солдат),
- тронутая иронией (каменотес),
- трагическая (Трофим),
- саркастическая (лакей),
- трагическая (белорус),
- окрашенная юмором (медвежатник, нищие).

Благодаря этому приему происходит известная разрядка драматического напряжения и, что главное, жизнь народная предстает во всей ее подлинной реалистической «многоцветности» и многогранности.

В целом, в главе «Счастливые», через последовательно одна за другой рассказанные биографии «счастливых», перед странниками и читателем развертывается тяжелая драма жизни русского крестьянства. Эта тематическая линия подытожена обобщающей репликой странников:

«Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

И эта реплика, и все содержание главы говорят о горько-ироническом смысле ее названия («Счастливые»).

Однако содержание главы «Счастливые» не сводится к изображению трагичности народных судеб. Автора в ней интересует и другая сторона проблемы: уровень сознания крестьянской массы, ее представления о человеческом счастье. Каковы же они? Поэт не скрывает от читателя печальной правды: пусть мужики с презрением отнеслись к идеалу лакейского счастья, но ведь подобные представления есть еще в народной среде. Да и представления о счастье других претендентов не радуют поэта, ибо на них лежит печать убогости и бездуховности. Не радуют они и странников. Встреча с попом не прошла даром. Они понимают, что для ощущения счастья человеку кроме сытости нужно и другое: народное уважение, сознание чистоты своей жизни. Есть ли такие высокие представления в народной среде или выше «репы» народные мысль и чувство не поднимаются? Так логика повествования подводит нас к восприятию рассказа крестьянина Федосея о Ермиле Гирине.⁹

---

⁹ Образ Ермила Гирина формировался в творческом сознании Некрасова постепенно и восходит к образу Алексея Деметьевича Потанина (повесть «Тонкий человек» 1853 года), созданного на основе реального прототипа. О Потанине см. вступ. очерк К. И. Чуковского в кн.: *Некрасов Н. Тонкий человек и другие неизданные произведения*. М., 1928. О соотношении образов Потанина и Гирина см.: *Беседина Т. А. Некоторые вопросы творческой истории поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Уч. зап. Вологод. гос. пед. ин-та, 1958. Т. 22. С. 224—230*. См. также комментарий к поэме К. И. Чуковского (III, с. 657—658) и Л. А. Розановой (*Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова...: Комментарий*. С. 124—126).

В рассказе о Ермиле Гирине и его печальной судьбе гораздо большую четкость и остроту обретает высокий этический и злободневно-политический смысл спора мужиков о счастье. Уже композиционная отчлененность эпизода с Ермилом (он включается после реплики: «Эй, счастье мужицкое!..») подготавливает читателя к тому, что счастье его принципиально отлично от «дырявого с заплатами» мужицкого. В рассказе о Гирине нарисован высокий идеал счастья по народным представлениям:

Да! Был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья...

Ермил обладает тем материальным достатком, который, с точки зрения мужика, необходим для счастливой жизни. «Кому на Руси...» — не бытовая повесть, это «философия народной жизни», произведение, где правда жизни раскрывается с помощью художественной условности. Поэтому автор ничего не говорит о том, как, какими путями пришел Ермил к этому «богачеству». Для решения социальной и нравственной задачи, над которой бьются правдоискатели, дано: Гирин богат и стыдиться этого ему нечего, так как все, что он имеет, нажито честным трудом.

Ермил имеет и другое необходимое условие счастья: почет.

Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Своей многолетней бескорыстной деятельностью («В семь лет мирской копеечки / Под ноготь не зажал»), своим «умом и добротой» Ермил заслужил глубокое уважение и доверие народа, что и проявилось в сцене с покупкой мельницы. Силу «над округою» Гирин взял «не колдовством, а правдою», его облик воплощает в себе правдолюбие народа, его нравственную требовательность. Только жизнь на основе строгой правды и может дать человеку ощущение радости — вот смысл рассказа Федосея.

Так было и с Ермилом, пока он не поставил свое личное благополучие выше «правды», выше интересов другого человека, пока не сдал в рекруты вместо своего брата Митрия сына старухи Власьевны. Однако глубокое раскаяние Ермила в своем поступке, невозможность для него жить с сознанием

«Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

своей вины перед «миром» делают этот образ еще более привлекательным. Недаром он после всего случившегося стал «пуще прежнего / Всему народу люб».

Ну, так что же? Дана норма жизни, к которой нужно стремиться? Нет, иную цель имел автор, вводя в поэму эпизод с Ермилом. Дав мужикам возможность выслушать рассказ Федосея (с дополнениями седенького попаика), автор содержанием этого рассказа приводит к мысли, что высокий идеал счастья, мыслимый как свободная зажиточная трудовая жизнь, утопичен, недостижим при современном общественном строе. Во-первых, в этих условиях зажиточность крестьянина (если он не мироед) может быть только счастливым исключением. Мы ведь даже не знаем, как удалось Ермилу разбогатеть, в то время как никто из жителей деревень Босово, Горелово, Неелово и др. добиться этого не сумел... А во-вторых... Рассказ Федосея вторично перебивает «попик седенький», сообщив, что Ермил Гири́н сидит в остроге. Эта реплика сразу переводит повествование из этического и несколько умозрительного в остро политический план.

Вот она реальность-то! Бунтует в борьбе за справедливость нищая мужицкая Русь. Бунтует «в избытке благодарности» к освободителям. Поднимаются от невыносимой жизни на борьбу даже самые забитые, поднялась даже вотчина

Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки...

И хотя рассказчик, крестьянин Федосей, говорит, что причина бунта «осталась неизвестною», Некрасов, используя символику названий, раскрывает ее: до того ОБРУБИЛ помещик крестьянские наделы, что мужики веками ИСПУГАННОЙ губернии, не смевшие при крепостном праве дыхнуть (Недыханьев уезд), застывшие в вековом оцепенении (Столбняки!), — и те взбунтовались. Осторожным упоминанием о бунте в Столбняках автор дает понять читателю, что народному терпению приходит конец, что борьба, на которую поднимается крестьянство, и есть единственный путь к достижению того идеала жизни, который так пленяет слушателей в рассказе о Ермиле.

За что попал Ермил в острог, в поэме прямо не говорится, но и по намекам об этом нетрудно догадаться: во время бунта

в деревне Столбняки Гирип, видимо, встает на сторону воставших. Иначе и не мог поступить человек с таким обостренным чувством справедливости. Ермил сознательно жертвует личным благополучием во имя идеи общей справедливости, «правду» предпочитает «богачеству» и попадает в острог. В условиях помещичьего государства непрочным, временным, призрачным оказалось его бытовое благополучие.

Отчленив композиционно рассказ о Гирине от изображения судьбы других «счастливых» и тем подчеркнув исключительность его судьбы, Некрасов, однако, оставил его в пределах главы «Счастливые», ибо иронический смысл ее заглавия может быть распространен и на судьбу человека, кончившего свою жизнь в остроге.

В рассказе Федосея с меньшей четкостью, чем духовный облик героя, вырисовываются нравственные понятия и требования крестьянской массы. Мужики Адовщины ценят Ермила за честность, бескорыстие, строгую прямоту. Сторицей платит за добро отзывчивое мужицкое сердце, доказательством чему служит эпизод с покупкой Ермилом мельницы. В основу его Некрасов положил подлинный факт,¹⁰ описанный П. И. Мельниковым-Печерским. Богатый нижегородский раскольник Петр Иванович Бугров за полчаса до переторжки о казенном подряде на перевозку соли «опрометью бросился на нижний базар и там, сказав торговцам: „Братцы, давайте денег скорее“, снял перед ними свой малахай, в который через четверть часа было накидано 20 000 рублей серебром». С деньгами Бугров успел на переторжку. Подряд остался за ним.

Некрасов использовал этот, может быть и исключительный, факт, чтобы показать не только безграничное доверие и уважение мужиков к Ермилу, но и (и это главное!) чувство локтя, чувство мужицкой солидарности, более того — социальной солидарности, т. к. купец Алтынников им социально враждебен и поддержка Ермила по существу равносильна защите собственных интересов. Знаменательно, что темой народной солидарности начинается (покупка мельницы) и заканчивается (бунт в Столбняках) история Ермила.

---

¹⁰ См. комментарий К. И. Чуковского к поэме (III, с. 658).